

Миры Инны Антоновой

Те, кто впервые видят ее работы, испытывают некоторое беспокойство и стараются побыстрее их классифицировать, втиснуть в какие-то рамки: лубок, примитивизм, религиозная живопись. И это понятно: живопись Инны Антоновой поражает широтой жанрового диапазона – от бытовых деревенских сцен до православных сюжетов, ошеломляет напором пылающего цвета. Она просто из тех свободных счастливых, которые от природы одарены самобытным художественным видением, мощным изобразительным языком, которым она все может выразить – и чувства, и мысли. Инна Антонова – художник, и говорит языком образов.

Она родилась во Владивостоке в 1959 году. В городе училась, а летние каникулы проводила у бабушки в деревенском доме. Там в двенадцать лет и появилась первая серия ее творческих работ – портреты животных: корова, кот, петух. Это были именно портреты ее деревенских друзей – огромные лики с человеческими глазами. И с тех пор все ее персонажи – и животные, и люди, как божий дар, как отблеск небес, несут исполненные проточной синевы очи. Когда-то Велимир Хлебников писал: "И с ужасом / Я понял, что я никем не видим, / Что нужно сеять очи, / Что должен сеятель очей идти!" Подобно поэту, Инна постоянно рассеивает на своих холстах эти поразительные иконописные очи, они прорастают как цветы, напоминая об истинном цвете и красоте этого мира.

Иногда Инна сама сетует, что не получила полноценного художественного образования. Однако школьный учитель рисования был не единственным, кто давал ей уроки профессионализма в живописи. Во Владивостоке она несколько лет посещала известную в городе изобразительную студию Г. Цаплина, но еще чаще брала уроки в мастерской В. М. Шлихта, в творчестве которого соединялись традиции европейского искусства и "культурная память" дальневосточного региона. В семидесятые Шлихт во Владивостоке противостоял официозу и его диктату, собиравшихся вокруг него учил дорожить творческой свободой и доверять себе. Инну Виктор Михайлович любил: она была решительной, даже дерзкой в освоении живописной техники, воплощении собственных, зачастую фантастических замыслов.

Отъезд Инны Антоновой в Ленинград, эту мекку отечественных художников, был вполне закономерен. На долгие годы общение учителя и ученицы стало эпистолярным. Он напутствовал: "Искусство заставляет человека жить в истине жизни, а не в истине вещей, которые его окружают... Настоящее искусство начинается там, где кончается личное, там, где творец встречается с вечностью".

Инна всегда жила сильными чувствами, умела их выразить в картинах, поражая зрителей самобытностью сюжетов и мощью декоративного письма. В 1986 году знаменитый художник и педагог Евсей Евсеевич Моисеенко, увидев работы Инны в фотографиях, пригласил ее в свою мастерскую в Академии художеств, позволил работать вместе со своими студентами.

В Ленинграде Инну ждало самое главное для любой женщины – замужество, ребенок. Оказавшись на родине мужа, в экзотической среде Средней Азии, столь же богатой и щедрой на краски, как и Приморье, но абсолютно другой, Инна научилась переносить на холст сочный, напитанный светом декоративный цвет. Она улавливала безошибочно дух принявшей ее земли и умела его выразить так, как не удавалось местным живописцам.

Впрочем, из-за фамилии (в Таджикистане она стала известна как Инна Якубова) ее считали своей: ее масштабные и глубоко укорененные в восточной традиции полотна воспринимались как создания национального живописца. Сложилась цельная, яркая, интересная коллекция. Сегодня она осталась у автора только в фотографиях. Как и многие русские художники в начале девяностых, Инна Антонова стала жертвой обмана и собственной доверчивости – ее работы бесследно пропали в Москве.

В 1994 году судьба вернула Инну во Владивосток – залечивать раны после пережитых потрясений: этнических конфликтов, потери всего созданного в Таджикистане, голода, нищеты. Из солнечной республики, которая вдруг обернулась адом для ее русских жителей, Инне удалось вывезти самое дорогое - двух дочерей. И здесь горечь утрат усугубилась: вскоре по возвращении она потеряла учителя, собеседника и друга – Виктор Михайлович Шлихт умер.

Но Инна продолжала работать, создавая все новые полотна, и в 2000-ом году в Приморской государственной галерее состоялась первая в Приморье персональная выставка Инны Антоновой.

В аннотации к выставке арт-критик Марина Куликова писала: "Необычные, нереальные, фантастические персонажи в ее огромных полотнах кажутся пришедшими в наше сегодня из мифологического вчера, из древних преданий, легенд, мифов. Они олицетворяют собой то архаическое древнее время Востока, когда взаимоотношения между мифом и реальностью не носили антагонистического характера. Каменные истуканы, кровавая богиня Кали, крылатая корова – как будто перенесли к нам из далекого прошлого Индии, Персии, Средней Азии. И в то же время что-то заставляет нас сомневаться в их незамутненном мифологическом происхождении. Слишком много тревоги в контрастных цветовых сочетаниях, в крупных скульптурных формах. Они монументальны и автобиографичны одновременно".

Затем был приморский период, который условно можно назвать "смоляниновским". Там, в оставшемся после бабушки доме, были созданы многие работы, в которых ярко проявилась способность Инны Антоновой превращать обыденную жизнь, если не сказку, то в миф, где жизнь соседей, огородные заботы превращаются в почти фантастические сказания. Причем особую остроту и выразительность этим произведениям придают ирония и горькая мудрая усмешка. Здесь можно вспомнить, например, такие работы, как "Домовой", "Баня", "Умер Максим, да и хрен с ним"...

И, пожалуй, даже мужское сердце дрогнет перед работой "Жизнь не сахар и не мед, никто замуж не берет", когда зритель оказывается один на один с

монументальной женской фигурой, вписанной не просто в квадрат ночного окна, а во Вселенную.

Сейчас Инна живет в Ростове Великом, городе, куда судьба два года назад ее забросила, потому что не удалось, как мечталось, остаться в Питере. Но и этот поворот судьбы теперь принимается ею как благодатный в творческом смысле. Вдруг оказалось, что все жизненные дороги вели именно сюда, в этот небольшой город-заповедник на берегу озера Неро. Она вошла в русский православный мир как в родной дом – с отчетливым и радостным чувством обретения того, к чему всю жизнь подсознательно стремилась и чего не могла обрести во время своих не всегда добровольных скитаний: Дальний Восток, Москва, Ленинград, Таджикистан...

За десять тысяч километров от места рождения она ощутила здесь, на древней русской ярославской земле, что и земля, и город, и церкви, и монастыри, и люди в нем дышат с ней в такт.

Несмотря на обилие мифологических мотивов, главной темой Инны Антоновой всегда была окружающая ее жизнь, можно сказать, личная судьба, которую Инна отражала зачастую в символических формах, отдавая свои пристрастия крупному плану. Можно сказать, уже в детстве она почувствовала себя монументалисткой. И в дальнейшем ей всегда требовался большой холст, были нужны цветовые пятна предельной насыщенности и их контрастное соединение – так ярче и убедительнее всего передавался драматизм сюжета. Она по природе своего дарования, конечно, живописец, из тех, кому под силу создать формулу живого, как удавалось это Петрову-Водкину, Пиросмани, Моисеенко. Инна чувствует с ними родство по корневой близости к народной стихии, ко всему здоровому, животворящему. А в Ростове Великом она по-настоящему встретила с духовной родиной – русской историей, духом, русским цельным миром: обрела то, чего всю жизнь жаждала ее душа. Библейские мотивы, церковная и монастырская традиционная жизнь стали заполнять ее новые полотна: "Монастырская трапеза", "Покров Богородицы", "Ростовская тройка"... Они красивы и гармоничны – ее холсты, созданные в Ростове.

Людмила Хромова, искусствовед